

— Звонили из полиции. Сказали, Чи Юэ столкнули в реку... Он ударился головой о камни на дне. Когда его вытащили, он уже почти не дышал...

Мо Хань не дослушал. Разум словно ослепило внезапной вспышкой, перед глазами всё побелело.

Тело среагировало быстрее, чем он успел осознать случившееся. Он уже мчался вперёд, а в ушах вместе со свистом ветра набатом билась одна-единственная мысль:

«Чи Юэ умирает. Его больше может не быть».

Он бежал сломя голову. Мимо мелькали двери аудиторий, бесконечные пролёты винтовой лестницы... Мо Хань пулей вылетел из здания школы.

На повороте он не успел затормозить и со всего маху врезался в кого-то, кто бежал в том же направлении.

Мир на мгновение перевернулся. Отлетя в сторону, Мо Хань покачнулся, с трудом удержал равновесие и только тогда разглядел, с кем столкнулся. Перед ним стоял Чи Нань.

Младший брат тоже только что узнал о беде. Услышав, что с Чи Юэ случилось несчастье, он бросил всё и выбежал из класса, налетев прямо на Мо Ханя.

Обезумевший от страха и вспыльчивый по природе Чи Нань даже не стал смотреть, кто перед ним.

— Ты придурок?! — взревел он. — С ума сошёл?!

У Мо Ханя в груди тоже всё полыхало. Его любимый человек попал в беду, висел на волоске между жизнью и смертью, а тут под ногами путается этот упрямый мальчишка. И неважно, что это младший брат Чи Юэ.

— Заткнись, Чи Нань! — голос Мо Ханя сорвался на рыдания. Глаза у него покраснели, и угроза прозвучала скорее как крик отчаяния, в котором скопилась вся его боль.

Ему было не до ссор. Единственное, чего он хотел — как можно скорее оказаться рядом с Чи Юэ.

Но Чи Нань не испугался. Одарив его яростным взглядом, он рванулся дальше.

На берегу одного из рукавов реки у пристани города Си собралась толпа. Люди шумели,

наперебой обсуждая случившуюся трагедию. Самые любопытные и бесстыдные снимали происходящее на телефоны. Женщины и дети, не выдерживая жуткого зрелища, отворачивались: кто-то испуганно прижимал ладонь к груди, кто-то тихо молился за несчастного, лежавшего в самом центре этого хаоса. Его неподвижное тело, бледное от долгого пребывания в воде, казалось безжизненным манекеном.

У самой воды стояли патрульные машины. Проблесковые маячки тоскливо мигали синим и красным, а пронзительный вой сирен давил на нервы, заставляя сердца свидетелей сжиматься от дурного предчувствия.

Полицейские уже натянули жёлто-белую ленту, оцепив место происшествия. Кто-то вызывал скорую, другие опрашивали свидетелей, торопливо записывая показания в блокноты.

— Да я только и разглядел, что набежали какие-то в чёрном, в масках-балаклавах... Неслись как сумасшедшие. А потом — бах! И парень уже в воде. А эти, которые его толкнули, сразу припустили дальше, только их и видели.

Говорил хозяин небольшого магазинчика неподалёку. В тот час покупателей у него не было, и он от скуки глазел в окно, благодаря чему и стал свидетелем драмы.

Мужчина сильно коверкал слова, густо мешая их с местным диалектом, так что молодой сержант едва успевал расшифровывать его путаную речь.

— Похоже на ограбление, господин полицейский. У одного из тех налётчиков в руках был какой-то тёмный свёрток... Уж не знаю, что там...

Из оцепления вынырнул дежурный офицер и торопливо подошёл к следователю:

— Капитан Ли! Опросили прохожих. Говорят, минут двадцать назад на соседней улице Миндэ ограбили прохожего. Пострадавший сразу набрал дежурную часть. Судя по всему, эти налётчики бежали оттуда. Время сходится почти минута в минуту.

Капитан Ли помрачнел. Он грязно выругался про себя:

«Ублюдки, ушли-таки».

Потерев заросший жёсткой щетиной подбородок, он смерил взглядом лежащее у ног тело. Всё лицо парня было залито кровью, но вода размыла её, сделав бледно-розовой, из-за чего рана на первый взгляд казалась не такой уж страшной.

— Где скорая?! — рявкнул Ли. — Сколько можно везти? Парню помощь нужна!

Вечно всё через одно место. Даже покурить спокойно не дадут.

Осматривавший тело судмедэксперт поднялся на ноги, отряхивая колени.

— Уже не нужна, капитан, — безучастно произнёс он. — Мёртв. Вызывайте труповозку и ищите родственников.

Голос врача звучал ровно и сухо, словно у робота. Он подошёл ближе и отчеканил:

— Тяжёлая черепно-мозговая травма, обширное кровоизлияние. Вдобавок он провел под водой больше десяти минут. Задохнулся.

— И что, десяти минут хватило? — усомнился Ли.

— Мозг сильно повреждён ударом о камень. Плюс десять минут без кислорода. Если не верите, капитан, можете сами попробовать не дышать столько времени, — хладнокровно парировал эксперт.

Ли раздосадованно взъерошил свои и без того растрёпанные волосы и ткнул пальцем в ближайшего оперативника:

— Ты! Бери людей и живо трясите дорожные камеры. Нам нужно взять этих ублюдков. Совсем страх потеряли, средь бела дня... Родственникам сообщили?

— Так точно, уже едут, — отозвался тот.

Мо Хань и Чи Нань во весь опор мчались на пойманном у ворот школы такси.

Когда они выскочили из машины и Мо Хань увидел плотную стену зевак, его сердце ухнуло в бездну. Гул голосов, шепотки и крики слились в монотонный, сводящий с ума шум, от которого заломило виски.

«Неужели там действительно он? Чи Юэ...»

Расталкивая зевак, Мо Хань локтями прокладывал себе дорогу сквозь толпу. Ему нужно было добраться до центра этого кошмара, разорвать завесу неизвестности. Он пробивался вперёд с такой яростью, что люди испуганно шарахались, провожая его злобным шипением и проклятиями.

Наконец он пересёк невидимую черту и оказался у самой ленты оцепления — той самой, которую раньше видел только в криминальной хронике. А на земле лежало тело... бездвижное,

прямо как в дешёвых детективных сериалах.

Мо Хань опустил взгляд на лицо погибшего. Видит бог, в тот миг он готов был отдать всё на свете, лишь бы это оказался чужой человек.

Ведь его Чи Юэ... его весёлый, невыносимый Чи Юэ должен был сейчас стоять у бильярдного стола, гонять шары, хвастаясь финтами и подмигивая ему. Должен был ворчать, когда у Мо Ханя после долгих прогулок разболются ноги, а потом молча опускаться на корточки, подставляя широкую спину. Должен был по-доброму подшучивать над его глупостями и, мягко улыбаясь, во всём помогать.

Но на мокром асфальте, окружённый лужами грязной речной воды, лежал именно он. С закрытыми глазами. Навсегда затихший.

Его Чи Юэ.

Лицо, которое врезалось в память Мо Ханя раз и навсегда. Лицо, которое он узнал бы из тысячи, даже если бы от него остался один лишь пепел.

Мо Хань рухнул на колени прямо в грязь и припал к остывающему телу. Разум отказывался верить в происходящее. Он потянулся дрожащими пальцами к бледному лицу, но замер — он безумно боялся прикоснуться и осознать, что всё это наяву. В горле застрял тугой, удушливый ком. Казалось, чьи-то невидимые пальцы мёртвой хваткой сжали шею, не давая сделать ни вдоха, ни выдоха.

Раздражённый капитан Ли уже набрал в грудь воздуха, чтобы прикрикнуть на наглеца, пересёкшего черту, но дежурный вовремя придержал его за локоть:

— Капитан, это близкие.

Капитан осёкся. Он беспомощно приоткрыл рот, но так и не нашёл нужных слов. За десять лет службы в органах Ли насмотрелся на чужое горе. Поначалу он ещё пытался выдавливать дежурные соболезнования, просил «держаться» и «мужаться», но со временем осознал простую истину: смерть — вещь обыденная. Люди гибнут ежедневно, глупо и внезапно, а тем, кто остался, не помогают никакие слова. Им просто приходится с этим жить.

Покойник не воскреснет, сколько его ни оплакивай и как громко ни зови по имени.

— Чи Юэ... — прохрипел Мо Хань.

Голос сорвался. Но ледяное прикосновение к чужой коже окончательно содрало с него иллюзию сна. Это был Чи Юэ. Его Чи Юэ, который ещё вчера обнимал его, смеялся, подначивал и клялся, что они всегда будут вместе, шутливо обещая дать Мо Ханю свою

фамилию.

«Лжец. Какая же ты сволочь... Все вы лжецы. Обещаете любить до гроба, а сами бросаете при первой же возможности, плюнув на свои обещания».

Мо Хань заставил себя не плакать — он не хотел пачкать холодное лицо Чи Юэ своими слезами. Боль, рвущая грудь на куски, требовала выхода. Сжав пальцы в кулаки, он с силой упёрся ими в шершавый, грязный бетон. Он стиснул зубы так, что заныли челюсти, и давил на землю до тех пор, пока содранная на костяшках кожа не закровоточила.

Он то бледнел, то шёл пятнами. Зрение то и дело застилала пелена слёз, но он упрямо моргал, заталкивая слабость поглубже. Мо Ханю безумно хотелось схватить этого замолчавшего навсегда человека за грудки, встряхнуть и закричать ему в лицо: «Ты же просто ушёл на работу! Обещал купить торт для Сяо Наня, обещал устроить праздник! Мы же должны были прожить вместе всю жизнь! И что теперь? Какого чёрта ты разлёгся здесь, холодный как лёд?!»

Мо Хань сжал в кулак ладонь, лежавшую на безжизненной, застывшей груди Чи Юэ, сминая мокрую ткань куртки. В этот момент в его душе боролись отчаяние и дикая, безумная ярость на покойника.

Заметив эту странную реакцию, капитан Ли нахмурился. Он негромко спросил у стоявшего рядом подчинённого:

— Слушай, он точно родственник? Ни слёз, ни истерик... Посмотри на него, у меня такое чувство, будто он готов этого жмурика прямо сейчас ещё раз придушить.

Оперативник лишь плечами пожал. Он и сам не понимал, что происходит. В наши дни люди редко реагируют на смерть близких так тихо. Стойкость это или обычное равнодушие — поди разбери.

Но все циничные домыслы полицейских мигом улетучились, стоило подать голос Чи Наню. Вот его горе было сокрушительным.

При виде мёртвого брата у мальчишки разом брызнули слёзы. Захлёбываясь рыданиями, он закричал — страшно, истошно, срывая голос:

— Брат! Братишка! Очнись! Ну же!

Они с Чи Юэ жили вдвоём. После смерти родителей старший брат оставался его единственной родной душой, и эту кровную связь невозможно было подделать ничем. Пускай Чи Нань сейчас переживал самый пик подросткового бунта, почти не разговаривал с братом и вечно строил из себя независимого одиночку, в глубине души он держался только за него. Чи Юэ был его

личным небом. Благодаря брату Чи Нань мог плевать на любые невзгоды взросления — ведь за его спиной всегда стоял Чи Юэ, готовый решить любую проблему, защитить и уберечь от жестокого мира.

Чи Нань никогда не задумывался, как будет жить без брата. Он наивно планировал никогда не жениться, лишь бы остаться с Чи Юэ и не забивать голову дурацкими мыслями о взрослой жизни. Но реальность ударила наотмашь, мгновенно и безжалостно разорвав его хрупкий мир на куски и выставив его кровоточащую душу на всеобщее обозрение.

Так не должно было случиться! Чи Юэ ещё не успел проучить школьного заводику, который вечно задирает его в классе. Не успел наподдать наглым хулиганам, дежурившим у ворот приюта. И в конце концов, сегодня Чи Нань должен был нацепить нелепый бумажный колпак, задуть свечи на именинном торте под взрывы хлопушек... Сегодня был его день рождения.

А вместо праздника — холодный труп на берегу. Его брат. Единственный родной человек.

Всё кончено. Отец, мать, а теперь и брат — смерть забрала всех. Впереди осталась лишь серая, беспросветная мгла сиротского существования.

И самое страшное — отныне он никогда не сможет праздновать свой день рождения.

Большого он не вынесет.

Мальчик задохнулся от собственных рыданий и, потеряв сознание, рухнул прямо на руки Мо Ханю.

Мо Хань смотрел на его опухшее от слёз лицо. Сквозь собственную пелену в глазах черты лица подростка на мгновение расплылись, принимая очертания лица Чи Юэ. Если бы не юный возраст и отсутствие той привычной, чисто хулиганской ухмылки старшего брата, их можно было бы легко перепутать.

«Я уберегу тебя, — беззвучно пообещал Мо Хань, прижимая к себе обмякшее тело мальчика. — Клянусь, теперь я буду защищать тебя вместо твоего брата...»

К полудню Мо Хань, взвалив спящего Чи Наня на спину, медленно брёл в сторону приюта «Красный клён». Тело Чи Юэ должны были доставить позже сотрудники спецслужбы и передать администрации приюта. Капитан Ли пообещал, что дело не спустят на тормозах. Сказал, что убийц найдут, сообщат в первую очередь и заставят выплатить компенсацию. Что негодяи понесут заслуженное наказание.

«Наказание?» — мысленно усмехнулся Мо Хань. Ну осудят их, ну посадят или даже казнят —

разве это вернёт покойного? Смерть за смерть — древний, нерушимый закон, но что толку от мнимого возмездия? Правосудие лишь успокаивает общество, а для тех, кто потерял близких, любое решение суда — пустой звук, не способный залечить рану.

Но таков мир. Жизнь хрупка, и человеку остаётся только смириться со своей участью.

— М-м-м... — слабо застонал на его плече Чи Нань.

Долгий плач сжёг ему связки, и его дыхание теперь казалось сухим, горячим и прерывистым.

— Проснулся? — тихо спросил Мо Хань. — Как ты?

Голова Чи Наня раскалывалась. В груди всё горело и ныло, словно по рёбрам хорошенько прошлись кулаками. Было невыносимо тяжело дышать.

Осознав, что висит на спине у Мо Ханя, он мгновенно задёргался, пытаясь высвободиться. От резких толчков они едва не покатались по асфальту.

Мо Хань аккуратно опустил его на ноги, намереваясь спросить о самочувствии, но стоило мальчишке коснуться земли, как он молча развернулся и упрямо зашагал вперёд, не обращая внимания на оклики.

— Сяо Нань! Постой, Сяо Нань!

Подросток прибавил шагу, упрямо набычившись.

По дороге то и дело проносились мопеды и машины. Опасаясь, что мальчишка в таком состоянии угодит под колёса, Мо Хань рванулся вперёд и бесцеремонно утянул его на тротуар.

Но Чи Нань лишь грубо вырвал руку. Смерив Мо Ханя уничтожающим взглядом, он ускорил шаг.

У Мо Ханя у самого голова раскалывалась от пережитого кошмара. Ему было не менее горько, но этот несносный мальчишка продолжал упрямитесь и устраивать сцены на ровном месте. Чи Юэ больше нет. Если теперь ещё и с его братом что-то случится — как Мо Хань будет смотреть в глаза своей совести?

— Чи Вэйюй! А ну быстро вернулся на тротуар! — не выдержав, прикрикнул Мо Хань.

Редкие прохожие удивлённо оглянулись на них и поспешили пройти мимо, недовольно ворча.

Чи Нань замер. Медленно повернувшись, он посмотрел на Мо Ханя потемневшими от затаённой злобы глазами и глухо произнёс:

— Мой брат погиб. А тебе хоть бы хны. Ни одной слезинки не проронил. Правду люди говорят: гнилой ты человек.

<http://bllate.org/book/19807/2028438>